

Фото Любови Ивчевой

Илья Плохих

От себя к себе

В самом-самом начале столетия «Новый мир» напечатал — с промежутком в два года — две подборки поэта. Вторая называлась «Глаза не врут».

Она отсылала читателя к стихотворению, кончавшемуся строчками: «...Говорят, глаза не врут, / выражая нас реально: / если есть на сердце тайна, / в них узнать её — не труд. // Говорят, глаза не врут: / это две большие чаши, / по которым чувства наши, / словно лодочки, плывут»...

Прошло без малого двадцать лет, а я это стихотворение хорошо помню. Его щемящая, и вместе с тем драматически-строгая мелодия, его неуловимая «детская» открытость — до сего дня из меня не выветрились, не ушли. Что-то или кого-то эти глаза мне напоминают.

Может быть, они напоминают мне нежную поэтическую музыку Геннадия Шпаликова, автора стихов о белом-беленьком пароходе и друзьях, которых теряют только раз?..

...Как же я обрадовался, прочитав на днях в эссеистической автобиографии Ильи (она готовилась для одного уральского поэтического проекта), что среди его любимых поэтов — Заболоцкого, Самойлова, Левитанского, Рубцова и Рыжого — есть и Шпаликов...

А на обложке его первой, недавно изданной поэтической книги «Чёрная с серебром» — добрые слова поэта Юрия Михайловича Кублановского: «Поэзия суть *переключка* через годы, десятилетия. Читая Илью Плохих, я невольно вспоминал о Николае Глазкове. Та же чистота сердца, доверчивость и умение бескорыстно согреть читателя...»

Да, наверное, есть в поэзии нынешнего гостя, что-то и от мудрого стихотворного скомороха Глазкова, автора гениальной крылатой строфы: «...всё сметут, сведут на нет / Годы, бурные как воды, / И останется поэт — / Вечный раб своей свободы!..»

...И становится отчего-то очень понятно, почему живущий в Подмоскowie челябинец — Илья Николаевич Плохих — пишет хорошие стихи не только — взрослым, но и, так сказать — *детским* людям. Кстати, «Чёрная с серебром» — это стихотворение про собаку, а точнее — про корову. Или — нет, оно совсем-совсем про другое. Я бы объяснил вам про что оно, да место моё кончается. **Ф.**

Павел Крючков,
заместитель главного редактора журнала «Новый мир»
Рисунок Галины Воронцовой

Я дворник, вот моя лопата.
Вот телогрейка. Видишь, вата
видна в её глубоких ранах.
Есть у меня крупа в карманах,

поскольку я зиме плачу
пшеном, заботой о синицах
за ёлки праздничной свечу,
за иней на твоих ресницах.

1998

За дорогой — автомойка
и шиномонтаж.
Стал привычным, да и только
мне такой пейзаж.

Сам, спасаясь от тревоги,
думал много лет:
«Для кого-то у дороги
и такого нет».

Снова в пригород-посёлок
вторгнется зима.
Через хвою тощих ёлок
светятся дома.

Словно знак-напоминанье —
жёлтым на столбе —
расписанье расставанья.
От себя к себе.

Был бы я деревом — ждал бы я осени.
Гравий аллеи и доски скамеечек
медью осыпать не горестно вовсе мне.
Лёгок отлёт вертолётников-семечек.

Был бы я деревом в ясности ботуди,
как благодарно топорщил бы к небу я
ветки пустые: ну вот он я, Господи.
Просто стою, ничего не требуя.

* * *

Смастерю-ка я шкатулку из капа,
из берёзового чудо-нароста,
Кропотливо смастерю, не с нахрапа,
как бы ни было мне это непросто.

С пониманием текстуры и крапа,
всей природной красоты-красотищи
смастерю-ка я шкатулку из капа.
Для себя, а не продать чтоб за тыщи.

Не столяр, да и в резьбе ни бельмеса.
Только чувствую: должно получиться.
Результатом моего интереса
будет тонкая такая вещица.

И когда-нибудь насчет этой штуки
дочка скажет для меня дорогое:
«Золотые у отца, мама, руки.
Зря про них ты говорила другое».

2013

* * *

В спальном районе, где плохо спится,
в доме, похожем на колумбарий,
ты по сценарию должен спиться,
но отрицаешь любой сценарий.

Так пребывая внутри района,
ты ощущаешь себя плывуще
в виде небритого эмбриона
среди органически тёмной гущи.

Так же случилось во время оно:
слушал, как соки текут по жилам,
ветхозаветный беглец Иона,
густо измазанный рыбьим жиром.

Скоро и сам, шевельнувши жаброй,
дальше стезёю, от волн рябою,
ветхозаветною рыбой жадной
спальный район унесёшь с собою.

Крестик

Мчат по серой полосе
новички и асы.
Замер крестик у шоссе
в розах из пластмассы.

Крутит-вертит непокой
действие сплошное.
Крестик маленький такой,
а шоссе — большое.

2006

Огонёк

Дела согнали или совесть,
звала родня издалека...
И вот уже купает поезд
Багряно-серые бока

в ночных ветрах, его пьянящих.
Колёсный счёт диктует сны.
В окне черны луга, и чащи
по-настоящему черны.

Ни костерка, ни звёздной крошки.
Так пусто, что не по себе.
И вдруг — фонарик у сторожки
на покосившемся столбе.

Мелькнул — и снова тьма пустая.
Но ведь не так уж и далёк.
Столб, провод, лампочка простая.
А вот гляди-ка: огонёк.

2013